

УДК 93/94

doi:10.21685/2072-3024-2022-1-4

**Крестьянское понимание экономической справедливости
в конфликте с действующим законодательством
и «беспорядки» на спорном участке
помещика Рклицкого в 1902 г.**

Е. И. Шорников

Центр научного сотрудничества образовательных организаций,
Балашиха, Московская область, Россия
mss132206@universitas.ru, eugeneii731@gmail.com

Аннотация. *Актуальность и цели.* В отечественной аграрно-исторической литературе довольно трудно завоевывает себе достойное место концепция крестьянской революции в России 1902–1922 гг. Между тем данный теоретический подход обладает большой объяснительной способностью в том, что касается важных политических событий, происходивших в России в этот период. Целью исследования является подтверждение этой способности посредством анализа социального конфликта, произошедшего в Тамбовской губернии на начальном этапе революционных событий. *Материалы и методы.* Задача исследования решается, с одной стороны, путем привлечения внимания к работам историков, целенаправленно применяющих методологию крестьяноведения (*Peasant Studies*) при изучении социальных конфликтов на начальном и последующих этапах крестьянской революции в России. С другой стороны, анализ конфликта между крестьянами и помещиком, который документально отражен в сборнике документов о крестьянском движении в России 1901–1904 гг., проводится под углом зрения данной методологии, с точки зрения самих крестьян и их традиционных представлений о справедливости. *Результаты.* Утверждается, что первостепенной причиной крестьянских беспорядков была не классовая борьба крестьян с помещиками, а борьба общин против эволюции помещиков в сторону соблюдения формального законодательства и подчинения законам рынка. Крестьяне не просто отстаивали право пасти скот на земле помещика или пользоваться лесом на спорной территории. Они стояли за сохранение старых порядков, за примат обычного права над официальным. *Выводы.* Причины беспорядков, переходящих в настоящий террор, по крайней мере если говорить о событиях самого начала XX в., следует искать в области конфликта между «легальным» правом, писаным законодательством пореформенного времени и обычным правом крестьян, которым освящена моральная экономика и этика выживания и пропитания.

Ключевые слова: крестьянская община, помещики, моральная экономика, этика выживания

Для цитирования: Шорников Е. И. Крестьянское понимание экономической справедливости в конфликте с действующим законодательством и «беспорядки» на спорном участке помещика Рклицкого в 1902 г. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 44–54. doi:10.21685/2072-3024-2022-1-4

**Peasant understanding of economic justice
in conflict with the current legislation and the “disturbance”
on the disputed land of landlord Rklitsky in 1902**

E.I. Shornikov

Center for Scientific Cooperation of Educational Organizations,
Balashiha, Moscow region, Russia

mss132206@universitas.ru, eugeneii731@gmail.com

Abstract. *Background.* As it turns out it's not an easy task to promote the concept of “Peasant revolution in Russia, 1902–1922” in order it could gain a worthy place in the Russian literature on agrarian history. Meanwhile, this theoretical approach has a great explanatory power being applied to most important political events in Russia of that historical period. The purpose of the article is to confirm this ability by analyzing the social conflict that occurred in Tambov province at the initial stage of the Revolution. *Materials and methods.* The article draws the attention of historians to the works of the researchers which deliberately and purposely apply the methodology of Peasant Studies when observing social conflicts at the initial and subsequent stages of the peasant revolution in Russia. The analysis of the conflict between peasants and landlords recorded in the collection of documents of peasant movement in Russia 1901–1904 is presented in the frames of this methodology: from the point of view of peasants themselves and their traditional understanding of justice and truth. *Results.* It is argued that the primary cause of the peasant unrest was not the class struggle of peasants against landlords, but the struggle of the communities against the evolution of many landlords towards compliance with formal legislation and submission to market laws and regularities. The peasants did not just defend the right to graze their cattle on the land of the landowner or to use the forest which the both parties considered to be theirs. They struggled for preserving the old order, for the primacy of customary law over official law. *Conclusions.* The reasons for the riots which tended to turn into real terror, at least if we talk about the events of the very beginning of the twentieth century, should be sought in the field of the conflict between “formal” law, written legislation of the post-reform period, and customary law of the peasants, their “moral economy” and “subsistence ethics”.

Keywords: peasant community, landowners, moral economy, subsistence ethics

For citation: Shornikov E.I. Peasant understanding of economic justice in conflict with the current legislation and the “disturbance” on the disputed land of landlord Rklitsky in 1902. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2022;(1):44–54. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2022-1-4

Актуальность темы исследования обусловлена тем, насколько трудно продвигается в нашей аграрно-исторической литературе концепция крестьянской революции в России 1902–1922 гг., которую выдвинули и обосновали выдающиеся ученые В. П. Данилов [1] и Т. Шанин [2]. С одной стороны, этот теоретический подход позволяет не только более адекватно, чем теория классовой борьбы, анализировать революционные события прошлого, но и рассматривать причины многих конфликтов, которые возникают в нашем обществе и поныне. С другой стороны, у известного историка-аграрника В. В. Кондрашина, кажется, были вполне достаточные основания, чтобы на состоявшемся в РАНХиГС в 2013 г. семинаре «Сталинизм и крестьянство» констатировать: «Почему-то все забыли о результатах грандиозного проекта

Данилова – Шанина о крестьянской революции в России» [3, с. 97–98]. И хотя и сам В. В. Кондрашин, и ряд его единомышленников не оставляют усилий по продвижению этих результатов в исторической литературе [4, с. 341–347], однако в российской аграрной историографии в этом плане не так многое изменяется, как хотелось бы. Поэтому мы приводим здесь одно из подтверждений тому, что у сторонников концепции народной революции 1902–1922 гг. есть достаточные основания для такого определения нижней рамки этой хронологии.

Цель этого исследования видится в том, чтобы акцентировать особенности крестьянского понимания социально-экономической справедливости. Поэтому в статье внимание сосредоточено на том, что крестьяне полагали справедливым, а что нет, на примере событий, произошедших на заре крестьянской революции – в 1902 г. – в Тамбовской губернии. Поведение крестьян в ходе размежевания спорного участка земли между помещиком Рклицким и государством, с одной стороны, и крестьянами с. Верхний Шибрай, с другой стороны, определяемое в официальных документах как «беспорядки», рассматривается с позиций концепции этики выживания и моральной экономики.

Для достижения указанной цели решались следующие задачи: во-первых, выявить причины крестьянских беспорядков; во-вторых, проанализировать приемы, используемые крестьянами в борьбе за свои интересы; в-третьих, показать глубокое диалектическое противоречие между «официальным» правом, которое эволюционировало в пореформенной России в сторону так называемых законов рыночной экономики, и крестьянской этикой выживания и моральной экономикой [5, с. 29–47, 419–424, 445].

В статье применяются такие методы исследования, как метод контент-анализа и системного анализа, которые обеспечивают аналитическое описание крестьянского понимания экономической справедливости. Теоретической базой послужили работы В. П. Данилова, Т. Шанина, В. В. Кондрашина [6, 7], В. Б. Безгина [8, 9], Д. И. Люкшина [10] и ряда других историков.

Практическая значимость исследования заключается в том, что рассмотренный пример социально-политического противостояния на начальном этапе крестьянской революции позволяет лучше понять важные противоречия последующих десятилетий отечественной истории, равно как и современные социальные и экономические тенденции.

Прошлое дает нам ключ к лучшему пониманию того, что происходит в настоящем. Кажется, представления советской историографии об исчезновении столь массового сословия, составлявшего в начале XX в. огромное большинство населения России, как патриархальное общинное крестьянство, были существенно преувеличенными. Говорить о том, что в столыпинские и нэповские годы произошло так называемое «раскрестьянивание», т.е. социально-культурное перерождение общинников, можно лишь руководствуясь теорией прогресса. И хотя эта теория в обличье «марксизма-ленинизма» достаточно долгое время довлела в отечественной аграрной историографии [3, с. 98–100], представляется, что она должна иметь весьма ограниченное применение к анализу исторических событий в нашей стране. На основе теоретических концепций крестьяноведения (*Peasant Studies*) анализ многих важнейших исторических событий, кажется, выглядит более адекватным.

Хорошим примером, подтверждающим это, может служить концепция крестьянской революции в России 1902–1922 гг., о которой писали В. П. Данилов и Т. Шанин, о которой продолжают писать В. В. Кондрашин, Д. И. Люкшин, П. П. Марченя [11] и некоторые другие историки. Такой взгляд на революционные события в нашей стране в первые десятилетия XX в. позволяет, в частности, утверждать, что эта революция имела одним из своих долгосрочных последствий распространение на ментальном, социально-психологическом уровне чисто крестьянских представлений о справедливости на все советское общество в целом [12]. Вот каким образом изучение сельских конфликтов начала прошлого века, причин их возникновения и механизмов мобилизации общинников на «асоциальную» деятельность может быть увязано с анализом более современных социально-экономических и политических тенденций, помогает прогнозировать грядущие изменения в российском обществе.

С точки зрения той области исторической социологии, которую на Западе принято обозначать как *Peasant Studies*, а у нас с начала 1990-х гг. – как «крестьяноведение», повседневная жизнь и действия крестьян в основном описываются концептуальными схемами этики выживания и моральной экономики. Моральная экономика крестьянства основана на крестьянском понимании экономической и социальной справедливости [13]. Этика выживания и пропитания – это исторически сложившийся набор специальных норм и приемов, применяемых крестьянами в повседневной деятельности как нечто совершенно естественное, отвечающее требованиям справедливости и здравого смысла [5, с. 26–70]. Это такие приемы, которые направлены не на обогащение индивида и увеличение индивидуального процветания, а на то, чтобы максимально подстраховаться от вечной угрозы индивидуального голода в крестьянских общинах. Однако этика выживания не исключает стремления добиваться максимально комфортных условий существования членов общины. При этом важным свойством крестьянских представлений об экономической и социальной справедливости являются «двойные стандарты». В. Б. Безгин отмечает наличие у крестьян «системы координат», четко разделяющей людей по принципу «свой – чужой». Будучи известным специалистом в области крестьянского обычного права, он резонно отмечает, что «к “чужим” в селе относились все, кто не являлся членом крестьянского сообщества: помещики, чиновники, горожане, купцы и т.п. По отношению к ним нравственные принципы не действовали...» [9, с. 32].

Некоторые наиболее важные приемы и то, как они применяются на практике, можно рассмотреть на приведенном в данной статье примере противостояния крестьян, помещика и государства – конфликта между обычным правом и легальным.

Рассматриваемый конфликт происходит на заре крестьянской революции в 1902 г. в Тамбовской губернии. Источником информации об этом конфликте служит для нас «представление» прокурора Тамбовского окружного суда В. Г. Газенвинкеля прокурору Саратовской судебной палаты А. А. Макарову о выпасе скота и порубке леса крестьянами с. Верхний Шибряй на спорном участке помещика В. И. Рклицкого.

Начнем с яблока раздора. В Борисоглебском уезде Тамбовской губернии в пределах Верхне-Шибряевской волости находится лесная дача. Размер

лесной дачи – 5 тыс. десятин. И первым моментом, создающим конфликт, является то, что дача эта находится в общем владении казны, окрестных крестьянских обществ и частных владельцев. В Тамбовском окружном суде ведется судебное-межевое дело о размежевании данных земель. В том документе, который является представлением прокурора Газенвинкеля, имеется очень важная для нас информация о том, что владельцы этой дачи «живут с крестьянами в мире и, боясь их, не пользуются своим лесом» [14, с. 131]. Это говорит нам о том, что на данной территории действует примат обычного права над официальным. Причиной примата неформального права служит достоверность наказания в случае нарушения местного правового обычая. Крупные землевладельцы по опыту знают, что санкции со стороны крестьян за нарушение того, что кажется им справедливым, будут более тяжелыми и ощутимыми, чем санкции государства в отношении крестьян, нарушивших формальное право.

Для подтверждения данного тезиса о примате естественного права рассмотрим случай, произошедший с помещиком В. И. Рклицким [14, с. 130–133]. Владимир Иванович Рклицкий, будучи присяжным поверенным при Тамбовском окружном суде, следовательно, человеком юридически грамотным, хорошо разбирающимся в тонкостях писаных узаконений, решил (в отличие от многих других помещиков, которые «живут с крестьянами в мире») выстраивать отношения с крестьянами с. Верхний Шибряй в правовом поле. В частности, Рклицкий взыскал в суде с крестьян 800 руб. за то, что их скот потоптал и потравил посевы подсолнуха. Кроме того, он предъявил иск о возмещении нарушенного крестьянами его фактического владения принадлежащими ему 160 десятинами лесной дачи. Иск был удовлетворен 13 ноября 1901 г., а 20 декабря 1901 г. пристав явился с исполнительным листом и объявил крестьянам о состоявшемся решении окружного суда.

Вот здесь и состоялся момент конфликта между крестьянским правовым обычаем, неформальным правом и формальным, юридическим. Рклицкий продает из участка, который с юридической точки зрения является его собственностью, четыре десятины местному крестьянину Андрею Ситникову. Ситников, который тоже живет в правовом поле, начинает вырубку проданных десятин. Крестьяне с. Верхний Шибряй, несогласные с таким положением дел, предприняли ответные меры. Прогнав лесника и сына Рклицкого, они произвели сплошную вырубку этих четырех десятин. Возможно, масштаб вырубки был бы и больше, но благодаря своевременным действиям полиции (3-й участок Борисоглебского уезда) дальнейшая вырубка была прекращена.

Данный конкретный случай позволяет лучше понять, насколько неуместной и затрудняющей понимание сути проблемы может оказаться марксистская теория классовой борьбы, когда дело касается крестьянских общинных практик. Ведь пострадавшей стороной явился также и крестьянин А. Ситников. Можно, конечно, обозначить последнего как «кулака», а следовательно, «классово чуждый элемент» по отношению к основной массе односельчан (как это и делалось в советской историографии), но мы сейчас не об этом. Это также не было антиправительственной борьбой. Главным врагом крестьянства в этом случае выступают рыночные отношения и верховенство формального права. Мы наблюдаем борьбу традиционного уклада и модерна.

Хочется также отметить великолепную организацию и способность к мобилизации крестьян с. Верхний Шибряй. Прежде всего это касается того, что можно обозначить как *разведка*. Ситников приступил к вырубке 2 января – а уже 3 января пришли общинники с топорами.

Мобилизация: менее чем за день удалось собрать свыше 200 человек, вооруженных топорами, и около 500 подвод [14, с. 130–132].

Логистика: за два дня, с 3 по 4 января, была произведена сплошная вырубка трех десятин леса, около 3000 бревен было вывезено в с. Верхний Шибряй. Эти бревна не смогли вернуть, несмотря на все старания исправника и станового пристава [14, с. 131].

Конечно, государственная машина так уж скоро не сдалась. Началось следствие по ст. 1601 и 1603 Уложения о наказаниях. Однако прокурор Шамурин смог привлечь к следствию в качестве обвиняемых только пять человек из 200 [14, с. 246]. Но и из этих пяти только троих смогли допросить и заключить под стражу. Остальных, как говорится в докладе прокурора Газенвинкеля, «крестьяне не выдают, и мерами полиции привести их к судебному следователю возможным не представляется» [14, с. 131–132].

Порубки на этом не прекратились. Так, уже 13 марта крестьяне снова пошли рубить лес В. И. Рклицкого [14, с. 246].

В итоге по приговору Саратовской судебной палаты от 20 ноября 1902 г. по делу о порубке леса смогли осудить только 30 человек на срок от двух до четырех месяцев. Порубленные бревна также не смогли изъять. Интересный момент, который помогает нам лучше понять, насколько обычным делом были тогда крестьянские беспорядки, это отписка В. Г. Газенвинкеля о том, что он не мог лично принять участие в разборках беспорядков, так как на тот момент разбирался с крестьянами деревни Федоровка, которые насильно освободили из-под стражи своего односельчанина [14, с. 246, 249].

Общинники не сдавались и продолжали наносить урон хозяйству В. И. Рклицкого. Так, 3 мая крестьяне из Шибряевского поселка прогнали крестьян, нанятых Рклицким на посевную, отобрали у них семена, приготовленные для посева, и рассыпали их по земле. Это совсем не воровство, здесь проявляется желание крестьян нанести максимально возможный урон помещичьему хозяйству, глава которого никак не желает покориться мирской воле. Крестьяне также организовали выпас скота и лошадей на даче Рклицкого. Общинники постановили не допускать засева свободной от леса и лугов земли, находящейся в пределах этой же дачи. Крестьяне никак не хотели прекращать потраву помещичьих лугов, решительно заявляя, что считают эти луга и землю своими.

К 8 мая приставу 2-го стана Борисоглебского уезда удалось наскрести 30 человек сотских и десятских, и вместе с урядником 7-го участка Виктором Петровым и городовым с. Уварово Ивановым они произвели попытку остановить выпас на даче Рклицкого. Но в 4 ч утра пристав заметил идущее из Шибряйского поселка еще одно стадо коров, которое преспокойно двигалось по направлению к даче Рклицкого. Пристав потребовал у пастухов вернуть стадо обратно. Требование было оставлено пастухами без внимания. Тогда, используя силы имевшихся в распоряжении сотских и десятских, полицейские развернули стадо и решили загнать скот во двор Рклицкого, дабы там потом можно было установить хозяев животных и тем самым обозначить

виновных, с которых можно взыскать за потраву полей Рклицкого. Но крестьяне вновь показали чудеса мобилизации и планирования, так как на мосту в поселке при повороте к дому Рклицкого, стадо было встречено крестьянами в количестве, если верить донесениям пристава, около 300 человек. При этом отмечается, что крестьяне были вооружены. В описании оружия фигурируют дубины и колья. Стадо было остановлено. В. Г. Газенвинкель докладывает: «Произошло замешательство, во время которого глухонемой крестьянин Шибрайского поселка Максим Ефимов Горелов ударил кулаком по плечу городского Иванова и сорвал знак с десятского с. Подгорное Михаила Дьякова. Предполагая со стороны крестьян открытое сопротивление, пристав на требовании о загоне коров во двор Рклицкого более не настаивал...» [14, с. 133].

Далее оперативная группа во главе с приставом и избитым городским направилась в сторону леса для того, чтобы согнать пасшихся там крестьянских лошадей. Пока эта группа из-за половодья искала брод, чтобы подойти к лесу и прогнать лошадей, крестьяне снова запустили коров на дачу Рклицкого, а вблизи леса опять собралась толпа крестьян в количестве 300 человек. Как отмечается в записке, крестьяне были крайне озлоблены и позволяли себе «разные угрожающие жесты», направленные в сторону представителей власти во главе с приставом. После этого пристав, не будучи в состоянии выполнить возложенное на него поручение Борисоглебского исправника, возвратился в с. Уварово. В итоге смогли осудить за побои только одного глухонемого крестьянина. Губернатор решил отправить на постой в поселок воинскую команду [14, с. 246].

Казалось бы, что заставляет крестьян действовать столь жестко? Не потеряли ли они больше в «малой личной войне» с господином Рклицким, чем приобрели? Прежде всего Рклицкий понес куда больший ущерб от действий крестьян. Упертость, жесткость, террор, направленный и на помещика, и на тех, кто имел неосторожность заключать сделки с ним или работать на него, служили цели сохранения старого порядка, примата обычного права над официальным правом. Крестьяне, как могли, добивались того, чтобы помещики следовали порядкам, которые сложились давно, при которых, по словам Газенвинкеля, помещики «жили в мире с крестьянами» и даже не пытались обращаться в суд за размежеванием. Крестьяне действовали исходя из своих представлений о справедливости.

Увы, право действует, только пока оно подкреплено монополией на насилие; легитимен тот закон, сторонники которого готовы и могут нанести больший урон своим противникам, пойти ради этого на значительные жертвы.

Итак, рассмотренное противостояние позволяет сделать тот вывод, что причины аграрных беспорядков на грани настоящего террора в самом начале XX в. следует искать в области конфликта между «легальным» правом и обычным правом крестьян, которым освящена моральная экономика и этика выживания. Обобщения и выводы, относящиеся к последующим этапам развития крестьянской революции в России, необходимо подкреплять анализом столь же конкретных случаев социального конфликта между общинниками и потомками крупных землевладельцев. Такие случаи отечественная история предоставляет в изобилии, и многие из них могут быть столь же детально

описаны с использованием соответствующих сборников исторических документов. Нужно учитывать, что хотя проявления того, что исследователи сейчас все чаще обозначают как «моральная экономика», и не направлены на обогащение индивидуума, а нацелены на выживание всей общины, однако при этом не исключается стремление добиться максимально комфортных условий существования отдельных членов общины.

Причина настолько ассиметричного ответа крестьян на действия В. И. Рклицкого кроется как раз в том, что, действуя в рамках правового поля, помещик нарушает крестьянскую этику выживания.

Характерно, что в донесении В. Г. Газенвинкеля говорится о том, что другие помещики живут в мире с крестьянами, не пользуясь своей землей, не пытаются реализовать свои законные права. Это позволяет нам сделать вывод о том, что жесткий ассиметричный ответ крестьян на стремление помещика действовать по закону вполне рационален, хотя на первый взгляд кажется иррациональным и даже похож на случай массового помешательства, девиантного поведения. И это несмотря на то, что, казалось бы, вступая в малую войну с помещиком Рклицким, крестьяне теряют больше, чем приобретают. Не вступив в конфронтацию, крестьяне рискуют потерять намного большее. Не отомстив за судебный иск, позволив Рклицкому продать лес, а крестьянину Ситникову забрать купленный лес, крестьяне искушают других помещиков и крестьян тоже начать жить в рамках правового поля, обозначенного писаными законами. Террор в отношении Рклицкого и тех, кто пытался с ним иметь отношения, несет трансакционную функцию. Жесткость вводимых санкций показывает бесперспективность попыток отстоять свои права в суде. Борьба идет не просто за право пасти скот на полях Рклицкого, не за лес на спорной территории – идет война за сохранение старых порядков, за примат обычного права над официальным.

Вышеизложенное имеет прямое отношение к давнему спору в специальной литературе о том, насколько действенным был институт обычного права в российской деревне. Официальные власти во все времена предпочитали «прятать голову в песок»: публиковались специальные доклады и монографии, доказывавшие, что никакого обычного права в России нет и не было, что российские граждане, не исключая сельских жителей, подчиняются тем законам, которые выходят из-под пера законодателя [8, с. 77]. Властям хочется в это верить. Но в истории аграрных обществ, в том числе России, многое в этом плане происходит по-другому. «Любой поступок в деревне получал, прежде всего, моральную оценку, – пишет исследователь отношений в крестьянской общине В. Б. Безгин. – Если с точки зрения формального права многое нравственное может быть преступным, и не все, что преступно, должно быть безнравственным, с точки зрения жителей деревни, все преступное обязательно безнравственно, а все, что нравственно, не может быть преступным. Это противоречие между правовыми обычаями и писаным правом находило свое выражение в сельской повседневности. Крестьяне считали нормальным делом или своим святым правом: самогоноварение, битье жен, порубку барского леса и другое, считавшееся по закону преступлением. В то же время не все нарушения, которые, по мнению крестьян, совершать греховно, преследовались законом. Так, в сельском быту греховным считалось: отказ от подачи милостыни, нарушение обещания участвовать в помочах,

работа в праздничные дни» [8, с. 79]. В. Б. Безгин продолжает свою неутомимую деятельность по исследованию этих страниц нашей сравнительно недавней истории [15], создавая тем самым все более прочные предпосылки для того, чтобы по-новому взглянуть на суть и смысл революционных событий в нашей стране в первые десятилетия XX в. Хотя и у некоторых (к сожалению, отнюдь не у большинства) российских мыслителей-современников К. Маркса центральная роль крестьянской общины в отечественной истории не вызывала сомнения [16].

Сегодня, несмотря на появление новых средств коммуникации, способов передачи информации, отмену сословий и происходящие процессы агломерации, психология человека не столь уж радикально изменилась, как может показаться. До сих пор мы слышим и ощущаем эти отголоски на постсоветском пространстве. Как справедливо отмечает В. Б. Безгин, «современная Россия перестала быть крестьянской по демографическому признаку, но осталась ею по духу» [9, с. 5]. Крестьянская этика выживания вступала и продолжает вступать в конфликты как с мифическими представлениями о классовой борьбе, так и с логикой рынка. Очень часто крестьянское по своей сути ощущение справедливости и несправедливости, по-прежнему присущее огромному числу наших сограждан, входит в глубокое противоречие с действующим законодательством. Так было и в советское время, так происходит и сейчас. И не всегда те, кто на стороне закона, выходят победителями в этой борьбе.

Список литературы

1. Данилов В. П. Насилие против насилия. (Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.) // История крестьянства России в XX веке : в 2 ч. / В. П. Данилов. М. : РОССПЭН, 2011. Ч. 2. С. 211–228.
2. Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. – 1917–1922 гг. М. : Весь мир, 1997. 560 с.
3. Бабашкин В. В. Русская революция в контексте крестьяноведения // Общественные науки и современность. 2014. № 4. С. 97–107.
4. Аграрная история XX века: историография и источники : монография / под ред. Н. Н. Кабытовой, П. С. Кабытова, В. В. Кондрашина. Самара : Самарский ун-т, 2014. 486 с.
5. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / под ред. В. В. Бабашкина. М. : Политическая энциклопедия, 2015. 743 с.
6. Кондрашин В. В. «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.» : научный проект и научная концепция (предварительные заметки) // Уральский исторический вестник. 2008. № 2 (19). С. 85–89.
7. Кондрашин В. В. «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.» : научный проект и научная концепция // Люди во времени: записки историка / В. В. Кондрашин. Пенза ; Саранск, 2012. С. 68–74.
8. Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX вв.). М. ; Тамбов : Изд-во Тамбовского государственного технического ун-та, 2004. 304 с.
9. Безгин В. Б. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX – начала XX века. Тамбов, 2012. 124 с.
10. Люкшин Д. И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М. : АИРО, 2006. 144 с.
11. Марченя П. П. Массовое правосознание и победа большевизма в России. М. : Щит-М, 2005. URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/mono-2005.pdf>

12. Бабашкин В. В. Крестьянский менталитет как системообразующий фактор советского общества // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.) : материалы Междунар. конф. (г. Москва, 14–15 июня 1994 г.). М. : РОССПЭН, 1996. С. 276–284, 414–416.
13. Скотт Дж. Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М. : Прогресс : Прогресс-Академия, 1992. С. 202–210.
14. Крестьянское движение в России 1901–1904 гг. : сб. док. / под ред. А. М. Анфинова. М. : Наука, 1998. 368 с.
15. Рынков В. М. Примат общественного над личным, или Российская деревня через юридическо-антропологическую оптику Владимира Безгина // Крестьяноведение. 2019. Т. 4, № 1. С. 145–158.
16. Зверев В. В. К юбилею полузабытой книги (Воронцов В. П. «Крестьянская община») // Крестьяноведение. 2021. Т. 6, № 2. С. 6–44.

References

1. Danilov V.P. Violence against violence. (Peasant revolution in Russia. 1902–1922). *Istoriya krest'yanstva Rossii v KhKh veke: v 2 ch. = History of the Russian peasantry in 20th century: in 2 parts*. Moscow: ROSSPEN, 2011:2:211–228. (In Russ.)
2. Shanin T. *Revolyutsiya kak moment istiny. Rossiya 1905–1907 gg. – 1917–1922 gg. = Revolution as the moment of truth. Russia 1905–1907 – 1917–1922*. Moscow: Ves' mir, 1997:560. (In Russ.)
3. Babashkin V.V. Russian Revolution in the Context of Peasant Studies. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social sciences and modernity*. 2014;(4):97–107. (In Russ.)
4. Kabytova N.N., Kabytov P.S., Kondrashin V.V. (eds.). *Agrarnaya istoriya KhKh veka: istoriografiya i istochniki: monografiya = Agrarian history of the 20th century: historiography and sources: monograph*. Samara: Samarskiy un-t, 2014:486. (In Russ.)
5. Babashkin V.V. (ed.). *Sovremennoe krest'yanovedenie i agrarnaya istoriya Rossii v KhKh veke = Modern peasant studies and agrarian history of Russia in the 20th century*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2015:743. (In Russ.)
6. Kondrashin V.V. Peasant Revolution in Russia. 1902–1922: scientific project and scientific concept (preliminary notes). *Ural'skiy istoricheskiy vestnik = Ural historical bulletin*. 2008;(2):85–89. (In Russ.)
7. Kondrashin V.V. “Peasant Revolution in Russia. 1902–1922”: scientific project and scientific concept. *Lyudi vo vremeni: zapiski istorika = People in time: notes of a historian*. Penza; Saransk, 2012:68–74. (In Russ.)
8. Bezgin V.B. *Krest'yanskaya povsednevnost' (traditsii kontsa XIX – nachala XX vv.) = Peasant everyday life (traditions of the late 19th – early 20th centuries)*. Moscow; Tambov: Izd-vo Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo un-ta, 2004:304. (In Russ.)
9. Bezgin V.B. *Pravovye obychai i pravosudie russkikh krest'yan vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka = Legal customs and justice of Russian Peasants in the second half of the 19th – early 20th centuries*. Tambov, 2012:124. (In Russ.)
10. Lyukshin D.I. *Vtoraya russkaya smuta: krest'yanskoe izmerenie = The Second Russian distemper: the peasant dimension*. Moscow: AIRO, 2006:144. (In Russ.)
11. Marchenya P.P. *Massovoe pravosoznanie i pobeda bol'shevizma v Rossii = Mass legal consciousness and the victory of Bolshevism in Russia*. Moscow: Shchit-M, 2005. (In Russ.). Available at: <http://users4496447.socionet.ru/files/mono-2005.pdf>
12. Babashkin V.V. Peasant mentality as a backbone factor of the Soviet society. *Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX–XX vv.): materialy Mezhdunar. konf. (g. Moskva, 14–15 iyunya 1994 g.) = The mentality and agricultural development of Russia (19th – 20th centuries): proceedings of the International conference (June 14–15, 1994, Moscow)*. Moscow: ROSSPEN, 1996:276–284, 414–416. (In Russ.)

13. Skott Dzh. The moral economy of the peasantry as an ethic of survival. *Velikiy neznamets: krest'yane i fermery v sovremennom mire* = *The great stranger: peasants and farmers in the modern world*. Moscow: Progress: Progress-Akademiya, 1992:202–210. (In Russ.)
14. Anfimov A.M. (ed.). *Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii 1901–1904 gg.: sb. dok.* = *Peasant movement in Russia 1901–1904: collected articles*. Moscow: Nauka, 1998:368. (In Russ.)
15. Rynkov V.M. The primacy of the public over the personal, or the Russian village through the legal and anthropological optics of Vladimir Bezgin. *Krest'yanovedenie* = *Peasantry studies*. 2019;4(1):145–158. (In Russ.)
16. Zverev V.V. To the anniversary of a half-forgotten book (Vorontsov V.P. “Peasant community”). *Krest'yanovedenie* = *Peasantry studies*. 2021;6(2):6–44. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Евгений Игоревич Шорников

директор Центра научного сотрудничества
образовательных организаций (Россия,
Московская область, Балашиха,
мкр. Железнодорожный, ул. Октябрьская,
33, оф. Г-417)

Evgeniy I. Shornikov

Director of the Center for Scientific
Cooperation of Educational Organizations
(office G-417, 33 Oktyabrskaya street,
Zheleznodorozhniy district, Balashikha,
Moscow region, Russia)

E-mail: mss132206@universitas.ru, eugeneii731@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 08.02.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 21.12.2021

Принята к публикации / Accepted 07.02.2022